

ГЛАВА 1

— Антошка! Тебе пора на берег!

Крик матери потонул в гомоне и визге купающихся, а белокурый мальчик лет четырех, счастливо улыбаясь, продолжал азартно загребать ручонками соленую морскую воду.

Большой надувной круг с головой черепахи, казалось, только сдерживал ребенка — столько в нем было веселой энергии детства, неясных стремлений и открытого восторга. Мать поднялась с шезлонга и помахала рукой, призывая сына на берег. Мальчонка покрутил головой и залился озорным смехом, удаляясь от матери на своей черепахе.

Женщина вошла в воду и через минуту уже тащила черепаху со смеющимся озорником на берег.

Свечников потянулся всем телом так, что хрустнули суставы, надвинул на глаза кепку от солнца, перевернулся на спину. Отдыхать порядком надоело. На море он провел всего неделю, но... И белый корпус санатория, и

прекрасные магнолии, и само море, и безделье с каждым днем все острее вызывали в нем непонятный нарастающий протест. Как бы он хотел хоть разок испытать ту звонкую щенячью радость от общения с морем, солнцем, гладкими камушками, которую так ярко переживал сейчас светловолосый мальчик.

Сергей Свечников добросовестно покопался в душе, пытаясь отыскать хоть что-то похожее на подобное чувство, хоть отблеск его за последние несколько лет, и не нашел. От этого открытия ему стало не по себе. Он почувствовал острую необходимость найти оправдание своему настроению. Возможно, его вывела из равновесия последняя травма? Еще бы! Провалиться с переломом битых два месяца! У кого угодно нервы сдадут. Какие уж тут радости! Самое обидное, что из-за этой травмы он не попал на престижнейшие гонки в Европе. Команда уехала без него. Он же вынужден загорать еще с месяц, прежде чем приступить к серьезным тренировкам... Ну, допустим, травма. А раньше? Что же его волновало и радовало последний раз? Покупка новой машины? Победы на гонках? Какой-нибудь из романов? Свечников невольно поморщился. Романы с женщинами обычно интересны только в начале. Пока она для тебя загадка и не изводит телефонными звонками, а только терпеливо ждет, пока ты сам позвонишь. Когда же роман становится пресным и ты понимаешь, что он подошел к завершению, он напоминает потерявшую вкус жвачку, которую не знаешь куда выплюнуть в общественном месте.

Сергею стало тоскливо. Конечно, есть еще спорт. Победы на гонках — это особая статья. Они пробуждали в

Свечникове чувство сродни опьянению. Но даже законные награды за труд, пот и азарт не вызывали в нем последнее время того упоения победой, как в юности. Свечников тщетно искал в душе отголоски молодой бесшабашной радости. Ее не было.

...Спину стало припекать. Он сел на лежаке и непонятно почему сразу нашел глазами светловолосого мальчугана. Тот с аппетитом ел банан, хлопая ресницами и серьезно слушая мать. Она что-то внушала сыну, очищая кожуру по мере того, как он ел. Свечников встал и пошел к морю. Мальчик с завистью проводил его глазами.

Свечников долго плывал, нырял, лежал на воде, раскинув руки. Когда возвращался — встретился глазами все с тем же мальчиком. Малыш потихоньку топал от шезлонга, где, видимо, задремала его мать. На этот раз он шел без своей надувной спутницы черепахи.

Сергей остановился и стал наблюдать. Мальчик вбежал в воду и замер, ожидая волны. Ждать пришлось недолго — волна ласково обняла его за колени, и он присел в нее, подпрыгнул и опять присел, шлепая ладошками по белой пене. Мальчик оглянулся и, поймав взгляд Свечникова, просиял, приглашая разделить радость. Сергей улыбнулся в ответ и остался стоять, наблюдая за мальчиком.

В воде плескалось полно детей — они играли в мяч, брызгались, визжали, ныряли. Мальчик не стремился в компанию. Его занимало море само по себе, он играл с ним, как с живым существом. Мальчик потихоньку заходил в воду, хлопая ладошками по теплой поверхности,

подпрыгивал, пытался лечь грудью на синюю гладь, махал ручонками, падал, барахтался и вдруг — поплыл. У Свечникова екнуло в душе — плывет!

Мальчик просиял восторгом, обернулся, ища глазами мать, не нашел ее, понял, что Свечников смотрит на него, поймал его понимающий взгляд и залиvisto рассмеялся. На секунду он остановился. Постоял и повторил это упражнение, безумно радуясь новому умению.

— Мама! — позвал малыш, продолжая плыть по-собачьи. Как ему хотелось поделиться радостью!

— Антошка! — Испуганный крик матери резанул слух.

Ребенок обернулся. Открыл рот, конечно, тут же хлебнул соленой теплой воды, закашлялся и, моментально потеряв уверенность, стал испуганно барахтаться, нащупывая ногами дно. Свечников шагнул было на выручку, но женщина, бледная как полотно, опередила его. Метнувшись молнией, она подхватила мальчика, подняла его над водой. Ребенок обвил мать руками и ногами, как маленький коала — ствол эвкалиптового дерева.

— Я плыл, ты видела? Ты видела? — Стуча зубами, повторял мальчик. Женщина шла, судорожно сжимая ребенка, отрешенная, как сомнамбула.

«Все испортила! — раздраженно подумал Свечников. — Он уже плыл! Зачем понадобилось орать? Могла бы потихоньку зайти в воду и поплыть рядом с ребенком. Типичная истеричка! Приучит ребенка бояться воды. Где еще можно так легко научиться плавать, как не на море?»

Свечников прошел к своему лежаку и взял газету. Но читать не смог — раздражение уже обжилось внутри и

теперь неприятно щекотало нервы. Как можно быть такой клушей? Если ты взялась воспитывать мальчика, то уж по крайней мере думай о нем как о будущем мужчине! Ведь он не сможет без конца держаться за чью-то юбку. Он должен лазать по горам, драться, гонять на коньках и тому подобное!

Сергей посмотрел на мать с сыном из-за газеты, повинувшись какой-то непонятной силе. Так и есть! Как он и предполагал, мамаша в панике уводит сына с пляжа! Она уже насухо вытерла малыша полотенцем и теперь одевала его, торопливо целуя в щеки и теплые ладошки. Когда с шортами и футболкой было покончено, мать натянула сыну на ножки полосатые носочки и, наконец, обув его в джинсовые тапочки, быстро поцеловала в мягкие ямочки коленок. Малыш засмеялся и на секунду прижал материнскую голову к своему животу. Затем они сложили полотенца, бутылку с газировкой и сдутую черепаху в плетеную сумку и, взявшись за руки, пошли прочь с пляжа.

Ни читать, ни загорать больше не хотелось. Сергей взглянул на часы и стал одеваться. До обеда еще целых два часа, а он уже не прочь подкрепиться. «Только один чебурек», — пообещал Сергей Свечникову-второму, который был незримой тенью Свечникова-первого и отвечал за дисциплину. Свечников-первый был еще тот по веса, но его уравнивал Свечников-второй.

Вообще-то раньше Сергей не замечал в себе склонности к полноте. Ел сколько хотел, всегда оставаясь легким и поджарым. Но после травмы и вынужденного длительного отдыха он заметил некоторую прибавку в весе.

Придется покорпеть на тренажерах. Гонщику лишние килограммы ни к чему.

Поднявшись по каменной лестнице к чебуречной, он отметил, что народу здесь пока немного, выбрал столик на открытой веранде, откуда хорошо было видно море, и сел. Он с удовольствием отхлебнул ледяной колы и стал отрешенно смотреть в морскую даль, позволив себе ни о чем не думать или думать ни о чем. Из состояния такой своеобразной задумчивости его вывел знакомый детский лепет, и Сергей сразу узнал своего пляжного знакомого. Мальчик и его мать тоже, видимо, пришли пообедать и теперь сидели недалеко от Сергея, вели беседу. Мать что-то говорила ребенку, а тот очень смешно слушал, распахнув свои карие глазенки и открыв нежный маленький ротик. Когда мать замолкала, мальчик начинал лепетать, и голосок звенел как колокольчик. Мальчик сидел к Свечникову лицом, а мать спиной, и Сергей волей-неволей стал наблюдать за ними, поедая свой чебурек.

Свечников подмигнул ребенку, тот на секунду замер, хлопая ресницами, а потом, узнав Сергея, разулыбался и тоже попробовал подмигнуть. Но не сумел, а только сильно зажмурил оба глаза сразу. Официант принес им заказ, и они начали обедать. Мальчик уцепил в кулачок ложку и стал сосредоточенно есть суп. Мать взяла кусок хлеба, разрежала его ножиком на маленькие квадратики и разложила их на тарелке перед сыном. Женщина была настолько поглощена ребенком, что Свечникову показалось это странным и противоестественным. Так относятся, пожалуй, к детям во время их болезни или в пери-

од выздоровления. Она не сводила глаз с мальчика, наблюдая, как он ест, в то время как ее порция стояла нетронутой.

Свечников закурил, осторожно вытянув под столом больную ногу, и невольно усмехнулся своей наблюдательности.

«Что привязался к мамаше? — увещевал его сознательный Свечников-второй. — А может, мальчик действительно после болезни? А может, они давно не виделись? И вообще, какое тебе дело до этого ребенка и его мамочки?»

Свечников-первый не знал, что ответить, и поэтому спорить не стал. Он действительно никогда не наблюдал в себе особой любви к детям. В компаниях друзей его всегда раздражало, когда отпрыскам слишком многое позволялось. Например, когда дети не вовремя лезли с разговорами к взрослым или устраивали игры под столом. С племянниками было проще — на правах дядьки он мог и прикрикнуть, и подзатыльник отвесить. Больше всего терпеть не мог, когда мамочки излишне опекали сыновей. В нем всегда закипал молчаливый протест. А однажды он даже пытался объяснить свою точку зрения Галке, жене друга Вовки: мужчину, мол, ждет очень жестокий мир, и чрезмерное сюсюканье делает его не готовым к жизни.

Но Галка только посмеялась над его рассуждениями.

— Вот своих заведешь, тогда и поговорим, — отмахивалась она. — Теоретик!

Малыш покончил с супом. Мать вытерла его рожицу носовым платком и пододвинула тарелку с картофель-

ным пюре и сосисками. Она аккуратно порезала сосиски на маленькие ровные кусочки и разложила их поверх пюре. Между ними завязался небольшой спор. Мать предлагала есть ложкой, но мальчик настаивал на вилке. Он не кричал, не капризничал, а только упрямо крутил головой, зажав вилку в кулачке. Наконец женщина уступила и теперь не отрываясь следила за тем, как малыш орудует опасным прибором.

«Молодец! — чуть не вслух обрадовался Свечников и сразу же одернул себя: — Стареешь, брат! С каких это пор ты стал любоваться детьми? Всегда как огня боялся, что какая-нибудь дамочка окрутит, заявив, что беременна». Сколько друзей Сергея женились «по нужде» и теперь несказанно завидовали свободному как ветер Сереге.

«Просто есть люди, в том числе и дети, от которых исходит светлое обаяние, — успокоил его Свечников-второй. — Так что не кисни».

Свечников поднялся и, чуть прихрамывая, пошел гулять без определенного маршрута.

ГЛАВА 2

Ирина с удовольствием постояла под душем — в полдень это единственное спасение от жары. Слегка промокнула тело махровым полотенцем, постирала купальник и Антошкины плавки и вышла на балкон. Отдыхающие уже стекались неспешной струйкой в кор-

пус санатория — на обед. Из общежития обслуживающего персонала хорошо просматривался центральный вход с высокой мраморной лестницей. Ирина постояла, ожидая появления Лизаветы, но нещадная жара довольно быстро согнала ее с удобного наблюдательного пункта. Ирина задернула шторы и взглянула на сына. Антошка сладко спал, раскинув ручки и ножки, на своей раскладушке. Простыня сползла на пол. Ирина собралась было тоже лечь, но не удержалась — подошла полюбоваться спящим сыном. Она с нежностью расправила прилипшие ко лбу мокрые волосики и устроилась на полу, возле раскладушки. Его розовая пятка оказалась прямо напротив ее лица. Она дотянулась губами и тихо дотронулась ими до каждого пальчика. Нога пахла мылом и молоком. Ирина улыбнулась.

— Солнце мое золотое, — прошептала она в душистую пятку, поднялась и, стараясь не шуметь, улеглась на диван.

Несколько минут ее мысли блуждали вокруг сына, вокруг такого знакомого, почти родного южного городка, вокруг институтской подруги Лизаветы и наконец закружились в воронке трепетного дневного полусна.

Ирина так и не поняла — долго она спала или всего несколько минут, когда услышала осторожное царапанье ключа в двери. «Лизавета, — мысленно отметила Ирина и открыла глаза. — Сейчас загремит». Лизавета всегда старалась все делать тихо и неслышно, но получалось как раз наоборот.

Зная, что гости отдыхают после обеда, она изо всех сил старалась не разбудить: вошла на цыпочках, держа в

одной руке босоножки, а в другой — целлофановый пакет с продуктами. Пакет был явно перегружен. Заметив, что подруга не спит, Лизавета закивала и молча, вращая глазами, на цыпочках стала пробираться на кухню. Вся эта выразительная пантомима должна была, видимо, обозначать следующее: «Я проберусь потихоньку, чтобы Антошку не разбудить». Но Ирина уже видела, что дно пакета разъезжается, а оттуда ползет полуторалитровая пластиковая бутылка с лимонадом.

— Пакет! — громким шепотом предупредила она и тут же услышала короткий Лизаветин мат — вероятно, бутылка угодила по босой ноге. Следом за лимонадом из дыры полезли апельсины. Ирина подлетела и успела подхватить пару. Наконец Лизавета догадалась поставить пакет на пол.

— Узнаешь Громыхало? — расцвела она в добродушной улыбке.

Ирина обняла подругу и чмокнула в щеку:

— Лизка, как я рада, что хоть ты в этом мире осталась неизменной!

Прозвище Громыхало Лизавета получила еще в студенческой общаге и постоянно его оправдывала. Если она тянулась за учебником через стол, то непременно роняла вазу или чашку с чаем, если она несла сковороду с дымящимися макаронами, то обязательно сшибала на своем пути все стулья и бедром двигала стол.

Было бы несправедливо назвать Лизавету толстой или неуклюжей — вид у нее был очень уютный. Ее пышное тело прямо-таки излучало домашнее тепло. И ее чудная особенность — устраивать шум «на ровном месте» — лишь

придавала ей дополнительное очарование в глазах друзей и не раздражала. С Лизаветой было легко и весело. В гостях у Лизаветы не надо думать о том, что ты помял одеяло или испачкал раковину. У нее можно сидеть с ногами на диване, пролеживать по часу в ванне и вообще чувствовать себя как дома.

Хотя Лизаветину малосемейку-полупорку с большой натяжкой можно было назвать домом, но тем не менее здесь всем было хорошо.

— Вы ели? — шепотом поинтересовалась Лизавета.

Ирина кивнула:

— Ты знаешь, здесь, на море, у Антошки зверский аппетит. Диву даюсь.

— Ты бы сама больше ела, — отозвалась Лизавета, наливая им обеим лимонад. — Смотреть на тебя страшно. Забыла уже, какая справная была, пока училась? Да и потом... А сейчас поглядеть не на что — шиш да маленько.

Ирина безразлично махнула рукой:

— Нашла что вспомнить. Теперь уж все равно — ешь, не ешь...

— Слушай, а ты наших кого-нибудь видишь? Я ведь сто лет — никого. Раньше каждое лето кто-нибудь наезжал. Теперь уж года три — ни души. — Лизавета очистила апельсин и протянула подруге.

— Вижу некоторых, — задумчиво отозвалась Ирина. — Многие, как я, в коммерцию ударились. Мало кто в культуре остался. Ну, вот Аленка Евстигнеева, правда, директор музыкальной школы. Но ведь у Аленки, слава Богу, муж из крутых. Она может себе позволить...

— А Шурик? Я слышала, что он... пирожками торгует?

Ирина передернула плечами:

— Ну не сам торгует, конечно. Но точно этим занимается. Крутится. Давно из театра ушел.

— Не представляю. Шурика — не представляю. Без его подвала, без картин его непонятных — с пирожками... Для чего мы все учились?..

Лизавета смотрела в окно и поэтому не уловила тот момент, когда у Ирины сузились зрачки, а пальцы стали нервно шарить в поисках сигарет.

— Лифшиц уехал, — как само собой разумеющееся, сообщила Ирина и встала, чтобы достать сигареты с холодильника.

— Ну, за Лифшица я спокойна. У него и там все будет хорошо, — рассудила Лизавета, — а вот Шурик... жалко...

— А Леву... не жалко? — Ирина закурила.

— Леву? А что — Лева? — Лизавета не шевельнулась, но Ирина видела, что вся ее немая спина ждет ответа.

— Лева пьет.

Лизавета помолчала.

— А цирк? Как же он...

— Из цирка его попросили, кажется. Жена уехала. В общем, дела у него неважные.

Лизавета стряхнула минутное оцепенение и попробовала рассмеяться:

— Выходит, я — последняя из могикан. Последний массовик-затейник со славного легендарного курса...

Получилось не смешно.

Ирина курила, глядя в окно, и Лизавета захлопотала, взбивая омлет, — скоро проснется Антошка.

— Но вот кого меньше всего я представляю вне нашей суматошной работы, так это тебя, — рассуждала она. — Вот уж кто действительно был генератор идей. Организатор. Не скучаешь?

Но когда она подняла глаза на подругу, поняла, что ляпнула лишнее. Ирина вдавила окурочек в пепельницу резким движением, неожиданно выдающим в ней сильную и, возможно, властную натуру.

— А некогда мне скучать! — Глаза ее сверкнули затененной болью. — Антоха не дает.

Словно услышав, что речь идет о нем, проснулся ребенок. Ирина наспех прополоскала рот лимонадом, схватила дольку апельсина — перебить запах сигарет, и мягкими движениями, с улыбкой на лице пошла в комнату к сыну. Лизавета очистила второй апельсин и двинулась вслед за подругой.

— Проснулся, мужичок? — задорно крикнула она, протягивая ему ароматный фрукт. — А гулять пойдём?

— А Полина где? — протянул мальчик, прижимая к животу апельсин.

— Полина в детском саду. Сейчас все вместе мы за ней и пойдём, — пояснила Ирина, натягивая на него чистую футболку.

— А вечером, — объявила Лизавета, — мы все идем на концерт! — И на вопросительный взгляд Ирины пояснила: — Закрытие «Веселых ноток», сегодня лауреаты выступают, нас начальница бесплатно проведет.